

9-11 классы

Вопрос 1.

1) Византийский интеллектуал Михаил Пселл в начале 1060-х гг. отправил будущему патриарху Константинопольскому Иоанну Ксифилину письмо, которое немецкий византинист Х.-Г. Бек назвал «манифестом христианского гуманизма». Ознакомьтесь с отрывком из этого послания и подумайте над вопросами:

- **В чем заключались упреки Ксифилина, на которые отвечает Пселл?**
- **Каково истинное отношение Пселла к Платону?**
- **Что имеет в виду Пселл, говоря о «поддельности» языческих сочинений?**

«Мой Платон, священный и мудрейший, мой! Если ты бранишь меня за то, что я часто читаю диалоги этого мужа, удивляюсь манере его изложения, поклоняюсь силе его доказательств, почему же ты не ставишь в обвинение великим Отцам церкви того, что они уничтожили ереси Аполлинария и Евномия, поражая их точностью силлогизмов? Если же ты укоряешь меня за то, что я следую учению Платона и опираюсь на его законы, ты, брат, неверно судишь о нас. Я раскрывал много философских книг, я читал много риторических произведений, не скрылись от меня сочинения Платона – не стану отрицать этого, – но и аристотелевскую философию я не просмотрел; я знаю и то, чему учат халдеи и египтяне, клянусь твоей честной головой; о секретных книгах следует ли говорить? Но сравнивая все эти сочинения с нашим боговдохновенным Писанием, чистым, блестящим и поистине неподдельным, я нашел их поддельными и преисполненными обмана.

Мой Платон! Не знаю, как мне снести это тяжкое обвинение. Разве я прежде не предпочел ему божественного Креста, а теперь духовного ярма? Боюсь, что он скорее твой, – говоря твоим же словом, – так как ты не опроверг ни одного его мнения, я же почти все, хотя и не все худы. Его рассуждения о справедливости и о бессмертии души стали основанием и наших схожих с этим догматов. Не как слепой черпал я из Платона, но, полюбив светлую часть потока, пренебрегал мутной <...>

Ты удивляешься, что кипит во мне желчь и потрясает меня гнев. Но ведь и у меня тело не без печени, где образуется гневный дух, и я не могу выносить такого оскорбления. Клянусь священной твоей душой, если бы ты ударил меня по голове, если бы ты вырвал остающиеся у меня волосы, я бы легче снес подобные оскорбления. Но обвинение в сочувствии Хрисиппу, то, что ты, мой друг и судья, считаешь меня отпадшим от Бога и присоединившимся к Платону и Академии, не знаю, как мне снести это! <..>

Если ты мне еще сколько-нибудь доверяешь, скажу тебе, не гордись своим пребыванием на горе и не хвастайся тем, что ты не наслаждаешься наукой; но если есть где равнина ли глубокая долина или скрытый и сокровенный уголок земли, спрячься там, сойдя с горы, и сначала приобретя должное упражнение в силлогизмах, поднимись к знанию непостижимому, из силлогизмов не выводимому. Ибо всякая добродетель, дорогой брат, соединенная с хвастовством и тщеславию, составляет крайний порок и есть порождение незнания, которое уничтожает мой, как ты считаешь, философ.

Но так как, вновь придя на память, оскорбляет меня это выражение, выслушай, что тебе говорит философ-платоник. Я, любезнейший брат, издавна от предков удостоился божественного названия христианина, я ученик Распятого, воспитанник святых апостолов, я, осмелюсь сказать, аккуратнейшее хранилище великого и таинственного учения о Божестве. Платона и Хрисиппа, о которых ты говоришь, я любил, и почему же нет? Но только за их цель и гладкое изложение. Но из их положений я одни тотчас же отверг, другие же, могущие подкрепить наши догматы, позаимствовал от них и соединил их со Священными книгами, как это делали Григорий и Василий, великие светила Церкви?

Силлогизмов я не презирал, чтобы мне видеть Господа ясно, а не только при посредстве загадочных выражений. Делать выводы при помощи силлогизмов, это, брат, не есть учение, противное Церкви, и не какое-нибудь невероятное философское положение, силлогизмы только орган истины и способ отыскать искомое».

(пер. П. В. Безобразова)

Вопрос 2.

Европейские ученые XIX в. нередко были весьма критичны в оценках Византийской империи. Так, в 1869 г. историк Уильям Леки в «Истории европейской морали от Августа до Карла Великого» писал:

«Общий вердикт истории относительно Византийской империи таков, что она представляла собой без каких-либо исключений самую подлую и отвратительную форму, которую когда-либо принимала цивилизация <...> Не было ни одной просуществовавшей сколько бы то ни было длительное время цивилизации, которая была бы в такой степени лишена всех признаков и следов величия <...> Ее пороки – это пороки людей, разучившихся быть храбрыми, но не научившихся быть добродетельными <...> Будучи рабами, причем по собственной воле, как в мыслях, так и в делах, они погрязли в чувственности и фривольных наслаждениях <...> История империи – это однообразная история интриг, которые плели священники, евнухи и женщины, история отравлений, заговоров, всеобщей неблагодарности и непрерывного братоубийства».

Не менее суров был и немецкий философ Фридрих Гегель в «Лекциях по философии истории» 1822–1831 гг.:

«История высокообразованной Восточной римской империи, где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет нам тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину <...> Таким образом, Византийская империя страдала от внутренних раздоров, вызываемых всевозможными страстями, а извне вторгались варвары, которым императоры могли оказывать лишь слабое сопротивление. Государству всегда угрожала опасность, и в общем оно представляет отвратительную картину слабости, причем жалкие и даже нелепые страсти не допускали появления великих мыслей, дел и личностей. Восстания полководцев, свержение императоров полководцами или интригами придворных, умерщвление императоров их собственными супругами или сыновьями путем отравления или иными способами, бесстыдство женщин, предававшихся всевозможным порокам, — таковы те сцены, которые изображает нам здесь история, пока наконец дряхлое здание Восточной римской империи не было разрушено энергичными турками в середине XV века».

(пер. А. М. Водена)

- **Как вы полагаете, чем можно объяснить появление подобных оценок?**
- **В русле каких течений европейской мысли они находятся?**
- **Как вы думаете, какие цивилизации, напротив, могли бы вызвать восхищение этих мыслителей?**

Вопрос 3.

Посмотрите на эти фотографии.

Фотография 1.

Фотография 2.

Фотография 3.

Фотография 4.

Фотография 5.

Фотография 6.

1) Ниже приведены русские и греческие слова, соответствующие этим шести фотографиям. Подберите правильные подписи на русском и греческом языке для каждого изображения.

лампада
свеча
кадило

кандило
поликандило
паникадило

λαμπάδα
θυμιατό
καντήλι
καντήλι
πολυκάνδηλο
πολυέλαιος

2) Прочитайте отрывок из повести И.С. Тургенева "Степной король Лир":
"Священник облачился в старую, еле живую ризу; еле живой дьячок вышел из кухни, с трудом раздувая ладан в старом медном паникадиле. Молебен начался".
Правильно ли употребляет здесь автор слово *паникадило*?
Как связаны между собой слова *кадило*, *кандило*, *поликандило*, *паникадило*?

Вопрос 4.

Критский говор новогреческого языка отличается большим числом фонетических особенностей. Ниже приводятся (в упрощенной транскрипции) примеры произношения некоторых слов в литературном новогреческом языке и в критском его варианте. Определите закономерность этих изменений. Как вы думаете, о каком фонетическом феномене, встречающемся в критском говоре, идет речь? Знаете ли вы, как он называется?

перевод		новогреческий литературный язык	критский говор
рука	χέρι	heri	sheri
красный	κόκκινος	kokinos	kochinos
собака	σκύλος	skilos	schilos
свеча	κερί	keri	cheri
страна	χώρα	hora	hora
имеет	έχει	ehi	eshi
радость	χαρά	hara	hara

Вопрос 5.

Прочитайте стихотворение Константиноса Кавафиса «Покидает бог Антония» (1911г.) в переводе С.Ильинской.

ПОКИДАЕТ БОГ АНТОНИЯ

Когда внезапно в час глубокой ночи
услышишь за окном оркестр незримый –
божественную музыку и голоса –
судьбу, которая к тебе переменилась,
дела, которые не удались, мечты,

которые обманом обернулись,
оплакивать не вздумай понапрасну.
Давно готовый ко всему, отважный,
прощайся с Александрией, она уходит.
И главное – не обманись, не убеди
себя, что это сон, ошибка слуха,
к пустым надеждам зря не снисходи.
Давно готовый ко всему, отважный,
ты, удостоившийся города такого,
к окну уверенно и твердо подойди
и вслушайся с волнением, однако
без жалоб и без мелочных обид
в волшебную мелодию оркестра,
внемли и наслаждайся каждым звуком,
прощаясь с Александрией, которую теряешь.

1. О какой исторической легенде говорится в стихотворении?
2. Что в стихотворении символизирует город Александрия? Что означает «потерять Александрию»?
3. Что можно сказать о характере стихотворения, какие грамматические формы его подчеркивают?